

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ТОРЖЕСТВО МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

ВОЛЬЧИК ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ,
Южный федеральный университет, д.э.н., профессор

Институциональный подход к исследованию социальных феноменов объединяет представителей различных общественных наук. В статье рассматриваются примеры синтеза теоретических концепций различных научных школ в рамках современного институционализма. Рассматривается подход Коммонса к исследованию институциональной структуры, и подчеркивается важность использования такого подхода в междисциплинарных исследованиях.

Ключевые слова: институциональная экономика, экономика и право, австрийская школа в экономической теории

Коды классификатора JEL: B52, B53, B49

Институционализм перестал быть преимущественно экономическим, превратившись в мощное междисциплинарное направление в социальных науках. Нобелевский лауреат Наук, известный своими междисциплинарными работами, отмечал, что экономист, остающийся лишь экономистом, скорее всего со временем станет помехой, если не потенциальной опасностью для исследовательской работы (Наук, 463; Доган 131). Жаль, что неоклассические экономисты здесь намеренно сдают позиции. Экономисты-институционалисты в своих исследованиях продолжают традицию междисциплинарности. Поэтому современный институционализм – прежде всего политологический, социологический, социально-антропологический, культурологический и все меньше и меньше экономический.

Присуждение нобелевских премий 2009 года по экономике представителям новой институциональной экономической теории – это как раз то исключение, которое лишь подтверждает правило – снижение интереса к институционализму среди экономистов¹. Об этом косвенно свидетельствует реакция академического сообщества и студентов-экономистов на присуждение нобелевской премии «малоизвестным» Оливеру Уильямсону и Элино́р Остром².

Неоинституциональная экономика в своем современном развитии повторяет траекторию эволюции собственно экономической теории в XX веке. Каковы же особенности такого повторения? Главное – это повторение тенденций по выталкиванию значительных предметных областей в смежные социальные или гуманитарные науки и неизбежная формализация.

Многие могут возразить, что неоинституционализм просто стал частью неоклассики или мейнстрима и бурно развивается в таких научных направлениях, как, например, теория контрактов. Это действительно так, кроме одной незначительной детали. А именно – срачиваясь с неоклассикой, институционализм перестает быть собственно институционализмом. Он теряет главные свои предпосылки и принципы: реалистичность, описательность, историчность, психологизм и социальную антропологичность. То, что представляют собой передовые исследования неоинституционалистов – это качественный мейнстрим. Конечно, любые классификации содержат элемент условности, но факт свершившейся диффузии неоинституционализма и мейнстрима трудно оспорить.

Может быть, и не нужно выделять институционализм как самостоятельное направление исследований? Здесь ответ неоднозначный и зависит от методологических убеждений тех или иных ученых. У многих институционалистов из различных социальных

¹ Формализованный вариант конвергентного с неоклассикой неоинституционализма по своей сути перестал быть частью институциональной экономической теории, входя в круг ключевых направлений развития современного мейнстрима.

² Дж. Ходжсон обратил внимание, что комментарии, оставленные на популярном среди молодого поколения академического сообщества экономистов блоге «Economics Job Market Rumors» по поводу присуждения Нобелевской премии по экономике 2009 года, свидетельствуют о невежестве, предметной ограниченности и сексизме комментаторов.

наук настолько много общего в используемой методологии и предметных областях исследований, поэтому действительно можно сказать, что они работают в рамках институционализма как междисциплинарного научного направления.

Вместо конкуренции идей в общественных науках экономисты продвигают сомнительное благо – экономический империализм, который является не только попыткой экономистов навязать свои (чаще оптимизационные) методы исследования проблем жизни общества, но и, может быть, в ещё большей степени – попыткой приблизить экономическую теорию и другие науки к идеалу научности.

Экономический империализм не является первым и единственным империализмом в общественных науках (Розов, 2009). Просто экономической науке удалось придать наибольший резонанс своему экономическому империализму. В этом нет ничего необычного: маркетинговые возможности у экономистов более значительные, чем у представителей остальных общественных наук.

Но что, кроме идеала научности, привносят экономисты в смежные общественные науки? Да, безусловно, формализация исследований и использование метанаучного языка математики облегчают межпредметную и междисциплинарную коммуникацию. Однако большинство формализованных моделей и теорем, используемых современными экономистами, имеют мало или совсем не имеют отношения к действительности.

Любое исследование в социальных науках можно обвинить с позиций экономического империализма в методологическом несовершенстве и низком качестве данных. Например, относительно исследований социального капитала отмечается, что «количественные исследования данной проблематики все еще страдают от проблем, связанных с несовершенством методологии и качеством данных» (Гуриев 2008, 138). Это утверждение прекрасно тем, что его можно применить ко всем сферам, затронутым экономическим империализмом.

На практике излишняя формализация современной экономической науки часто не только не способствует междисциплинарной коммуникации, но и препятствует интеграции экономических концепций в другие общественные науки. Экономический империализм является слабым оправданием «излишней» формализации. Именно «благодаря» экономическому империализму экономисты *de facto* не расширили, а сузили спектр своих предметных областей, которые теперь больше исследуются политологами, социологами и социальными антропологами.

Экономический империализм не должен порождать иллюзии реальной экспансии экономистов. Это, скорее, экспансия методов, а не предметных областей. Прекрасным примером служит полувековая история развития «Экономики и права». Неоклассические экономисты пытаются дать объяснение различным областям права. Это у них неплохо получается, но предмет их дискуссий все равно не простирается далее экономики и права классной доски³. Данный предмет прекрасно понимается экономистами, несмотря на то, что они имеют туманное представление о правоведении; однако, нужно поискать юристов, которые поймут и примут важность и обоснованность выводов «Экономики и права». Такая асимметрия возникает вследствие веры в совершенство и непогрешимость экономической методологии в ее мейнстримовском варианте.

Экономический империализм также приводит к тому, что позитивистская методология экспортируется в другие социальные науки. В этом по-своему проявляется эффект монополизации прав на «подлинную научность». Боулэндом отмечается, что заметной особенностью всех образчиков «позитивного» экономического анализа является их единый формат. После вводной части типичной работы в русле позитивной экономической теории следует раздел, названный «Модель» или как-нибудь в этом роде. Затем следует раздел, озаглавленный, например, «Эмпирические результаты». И все это подытоживают «Выводы». Напрашивается вопрос: почему фактически все позитивистские статьи так явно следуют единому формату? Не является ли единообразие единственным достижением экономического позитивизма? (Боулэнд 2002, 118).

Экономисты блестяще освоили маркетинговые стратегии (которые они называют экономическим империализмом), позволяющие продвигать пусть довольно прочный, но далеко не новый товар – «гипотетико-дедуктивный метод» под видом последней новинки для потребителей – представителей общественных наук. Как правильно отмечает В.Л. Тамбовцев: «В действительности гипотетико-дедуктивный метод использовался в целом ряде наук об

³ Здесь проводится параллель с термином «экономика классной доски», введенном Р. Коузом. См.: Коуз Р. (1993)

обществе (прежде всего, в социологии) задолго до возникновения феномена экономического империализма» (Тамбовцев 2008, 135).

Сторонники экономического империализма предлагают всем представителям общественных наук использовать принятый в естественных науках позитивистский подход. И в этом бы не было ничего плохого, если бы применение позитивистского подхода в общественных науках могло бы быть универсальным методологическим принципом. Однако различия между естественными и общественными науками существуют и, видимо, не могут быть устранены даже исследователями, движимыми благими намерениями экономического империализма. Подходы радикальных позитивистов и экономических империалистов логически безупречны и самодостаточны, что практически исключает возможность сколь бы то ни было серьезной критики и приближает их подход к своеобразной вере в незыблемые методологические принципы.

Современная экономическая теория отличается эклектичностью. Однако в большинстве исследований, которые можно отнести к мейнстриму⁴, действуют жесткие, формализованные канонические правила позитивистского толка. Из смежных областей социального знания, куда все больше вторгаются экономисты, также заимствуются альтернативные методы и исследовательские подходы. Но такая методологическая диффузия наиболее характерна не для мейнстрима, а для неортодоксальных течений в современной экономической теории.

Недостатки, связанные с методологической эклектикой экономической науки, могут быть минимизированы с помощью использования математики. Этим достигается определенная унификация и доступность экономических теорий для представителей других наук. Однако последовательное усиление абстрактности и сопровождающей её формализации экономической науки приводит к тому, что Р. Коуз назвал «экономикой классной доски»: «Рассматриваемая политика относится к разряду тех, которые осуществимы на классной доске. Вся необходимая информация предполагается доступной, а учитель играет за всех участников сразу. Он определяет цены, устанавливает налоги и распределяет субсидии (на грифельной доске) для повышения общего благосостояния. Но в реальной экономической системе нет никакого учителя. Нет никого, кому были бы доверены задачи, решаемые на классной доске» (Коуз 1993).

Понятно, что любому преподавателю проще иметь дело в аудитории с формализованными моделями, которые позволяют не только лаконично и строго освещать те или иные вопросы экономической теории, но и использовать решение четких и стандартных задач для контроля знаний. Всем такая ситуация выгодна, и мы попадаем в очередное равновесие по Нэшу, где ни у кого нет стимулов что-то менять по сути. Протестующие голоса аутсайдеров из неортодоксальных школ слабы, и их даже не пытаются слышать. Следствием такого положения дел становится добровольная сдача предметных областей экономистами представителям других общественных наук.

Формализм в экономической теории является необходимым и важным элементом для теоретизирования и проверки гипотез. Однако он не должен быть необходимым условием научности и релевантности экономических исследований. Теоретическая строгость и математический аппарат и логика никогда не помешают квалифицированному экономисту в его исследованиях, но он также должен задумываться о потребителях его научной продукции. Иными словами, экономисты не должны пренебрегать доступностью и пропагандой своих научных идей (Krugman 1998, 1829-1836), что очень важно для разработки и проведения в жизнь мер экономической политики, основанной не только на рентоориентированном поведении.

Многие неортодоксальные экономические теории близки к институционализму. Прежде всего, это посткейнсианство, немецкий ордолиберализм, эволюционная экономическая теория, большинство направлений экономической социологии. Даже такая, с первого взгляда, антиинституционалистская австрийская экономическая школа находит в трудах видных своих представителей точки соприкосновения с институционализмом. И здесь в первую очередь важны работы К. Менгера и Ф. Хайека. Родоначальник австрийской школы Карл Менгер в восьмой главе «Учение о деньгах» своей основной работы «Основания политической экономии» заложил основы исследования эволюции экономических институтов, в данном случае – института денег. Менгер отмечает важность исторической реконструкции институциональной эволюции и

⁴ В ряде работ проводятся различия между «мейнстримом» и «неоклассикой» (См., например, Тамбовцев В.Л. (2008). Перспективы «экономического империализма» // Общественные науки и современность, № 5, 129-136). И хотя данные различия действительно существуют (но требуют отдельного и объемного обсуждения), в настоящей статье термины «мейнстрим» и «неоклассика» используются как синонимы.

роли привычек в формировании экономических институтов. Привычки, экономическая культура и хозяйственная практика – вот три элемента, которые, по мнению Менгера, лежат в основе формирования института денег в меновой экономике (Менгер 1992, 219-221).

Антагонизм австрийцев к американскому старому институционализму объясним, так как последний имел явно интервенционистский характер по отношению к мерам экономической политики (Мизес 2000, 712). С этим трудно спорить. Однако внимание к эволюции институтов в рамках старого институционализма безотносительно к мерам экономической политики явным образом соотносится с поздними работами Ф. Хайека, в которых разрабатывается концепция спонтанного порядка.

В процессе эволюции спонтанного порядка институты имеют значение. Более того, они играют центральную роль в организации обменов и сотрудничества между агентами. Важным представляется тот факт, что хозяйственный порядок в трактовке австрийской школы представляет собой не только совокупность экономических механизмов, но и, прежде всего, является результатом эволюции и отбора институтов, делающих возможными регулярные экономические взаимодействия между агентами. Концептуальным для представителей австрийской школы вообще явилось то, что, «хотя равновесие стало доминирующим критерием упорядоченности в экономической теории, австрийцы, особенно после переоценки Хайеком теории происхождения экономических институтов Менгера, обратили своё внимание на более общее понятие социального порядка» (Zappia 2003, 133).

Эволюция спонтанного порядка затрагивает и функционирование рационально управляемых организаций. Это происходит через формирование общепризнанных правил и институтов, которые играют роль порядкаобразующего фактора (Хайек 1992, 67-68). Важнейшим из таких институтов является институт собственности, для расширенного порядка – институт индивидуализированной собственности.

Как ни странно, но Хайек и Веблен отводят значительную, если не ведущую, роль в экономических процессах этическим и культурным факторам. Важно также признание эволюционного характера изменений институтов. Однако подходы к объяснению эволюции институтов у институционалистов и представителей австрийской школы действительно разные. Между представителями традиционного институционализма и австрийской школы лежит пропасть, которую условно можно назвать интервенционизмом. Тем не менее, различные подходы к регулирующим функциям институтов не отрицают важного свойства этих теорий – внимания к процессу эволюции институтов.

Хотя австрийская теория предполагает, что те институты, которые сохранились в ходе общественного развития, «выжили» только благодаря тому, что лучше, чем другие, помогали членам общества достигать их цели, необходимо учитывать, что отбор в процессе эволюции институтов не исключает эволюционного происхождения ситуаций, обычно связываемых в экономической литературе с «провалами рынка». «Провалы рынка» в традиционном понимании неоклассиков не являются «провалами» с точки зрения австрийских экономистов, или, иными словами, «ошибки, являющиеся частью рыночного процесса, должны рассматриваться как неотъемлемые и благотворные» (Vaughn, 173), а путь к обучению рыночных агентов должен предполагать поиск способов, благодаря которым эти ошибки могли бы послужить источником продуктивного, полезного знания.

Может быть, эволюцией институтов должны заниматься историки? Те же представители австрийской школы всегда подчеркивали различия, которые существуют между теоретическими и историческими исследованиями (Мизес 2000). Но можем ли мы проводить теоретическое исследование институтов вне исторического контекста их развития? Ведь даже К. Менгер в своем исследовании института денег обращается к историческим примерам их эволюции (Менгер 1992). Поэтому возможно жесткое противопоставление собственно теоретических и исторических исследований эволюции институциональной организации экономики и других сфер общественной жизни не является необходимым и может быть сведено к синтетическим методологическим формам взаимодействия.

Институционализм должен рассматриваться как более реалистичный подход не только к выявлению и объяснению качественных динамических феноменов в экономике, но также как способ разработки основ для мер экономической политики. В плане разработки мер экономической политики важным и полезным будет обратиться к наследию Дж. Коммонса. Именно его исследовательский подход может использоваться экономистами для выработки действенных институциональных мер регулирования, а не только для написания выдающихся работ, главное достоинство которых – обильное цитирование в подобных же работах в рамках

экономики «классной доски». Благодаря использованию подхода Дж. Коммонса экономисты могут достигнуть действительно плодотворного и реалистичного синтеза экономики и права.

Согласно Дж. Коммонсу, неизбежное соперничество между экономическими субъектами по поводу распределения прав собственности наряду с проблемами в толковании, выполнении и инфорсменте контрактов, порожденных ограниченной рациональностью и несовершенством информации, требуют от властных структур разрешения споров и сохранения порядка. Следовательно, государственная власть оказывает влияние на процессы, протекающие в обществе, посредством «действующих норм (working rules)», таких, как законы, решения судов, единые правила ведения бизнеса и торговли, социальные нормы, этические принципы и обычаи, которые определяют для людей их возможности и являются при этом мерой принуждения для каждого (Commons 1990).

Все эти действующие нормы (правила) формального и неформального характера представляют собой права собственности (или просто права) в том смысле, что они дают индивидам контроль над ограниченными ресурсами, включая сами эти ресурсы в их вещественной форме, а также политические свободы. Они составляют основу того, что Уильямсон назвал структурой управления социальной и экономической организацией (Уильямсон 1996, 53-59). Согласно институциональному подходу, все действующие правила создаются или утверждаются неким коллективом, наделенным определенной долей власти. Поэтому экономика в силу такой необходимости становится и политической наукой. Экономика также является эволюционной наукой, так как действующие правила и модели прав собственности непрерывно изменяются и развиваются.

Помимо поддержания порядка и разрешения конфликтов властные структуры должны использовать действующие нормы (правила) для поощрения кооперации в производстве и обмене, а также в решении множества серьезных проблем, возникающих вследствие погони за собственной выгодой в результате экономических взаимодействий. Согласно Коммонсу, эти функции не создаются автоматически согласно «системе естественных свобод» Смита, но должны порождаться соответствующими стимулами, созданными «видимой рукой государства», и приводиться в жизнь с помощью различных санкций, включая угрозу физического насилия (Commons 1990).

Такое коллективное действие создает государственные структуры, которые формируют действующие нормы, направляющие индивидуальное действие. В то время как в руках государства сосредоточена основная власть в обществе, множество других групп и организаций (например, таких как торгово-промышленные палаты и объединения предпринимателей) также владеют долей независимости и, следовательно, создают и приводят в жизнь свои собственные работающие нормы и правила поведения.

Дж. Коммонс говорит об иерархии структур управления (governance structure) таких, как предприятия бизнеса, профсоюзы, церковь и семья. Эти формальные организации, а также коллективно определяемый набор действующих правил в форме социальных норм, этических принципов и обычаев представляют собой институты – понятие, которое Дж. Коммонс определяет как «коллективное действие по ограничению, высвобождению и расширению индивидуального действия» (Commons, 651). Согласно такому определению и рынок, и фирма являются институтами, в то время как фирма также является организацией (или иерархией), если состоит более чем из одного экономического агента.

Институты формируются и целенаправленно, и спонтанно. Двойственность определения природы институтов также отмечалась еще Дж. Коммонсом, и в современных исследованиях широко представлена точка зрения, что институты, с одной стороны, являются предпосылкой, а с другой – результатом человеческих взаимодействий (Дементьев 2009, 23). Абстрагироваться от такой двойственности нельзя, но она и не является помехой в исследовании эволюции социальных институтов. Просто необходимо различать механизмы формирования и развития разных институтов, а также выявлять влияние тех или иных групп интересов (как узких, так и всеохватывающих), которые включены в действия того или иного института и заинтересованы в сохранении действующих правил, а также поддерживают действие механизмов, направленных на обеспечение выполнения правил, содержащихся в институтах.

Развитие современной экономической теории приводит к тому, что многие неортодоксальные идеи de facto включаются в мейнстрим, а также попадают в виде разделов в учебники по базовым теоретическим дисциплинам. Неортодоксальные научные направления, таким образом, играют роль «инкубаторов для идей» (Colander, Holt and Rosser Winter 2007–8, 310). Институционализм в своих разнообразных формах проникает в современную

экономическую теорию, политологию и другие социальные науки. Но здесь важен не сам факт диффузии идей, а то, что общественные науки являются по своему характеру институциональными в том смысле, что изучение институтов и закономерностей их эволюции лежит в центре понимания повторяющихся социальных взаимодействий, будь то, например, экономические или социальные обмены.

Институциональная наука может рассматриваться как та метатеория, которая может объединять различные социальные науки, тем не менее, сохраняя их отличительные особенности и предметные области исследований. Институциональная наука как фундаментальная основа для общественных наук может также рассматриваться как альтернатива разного рода империализмам. Институты, согласно Д. Норту, способствуют повторяющимся взаимодействиям между людьми (Норт 1993, 73), а институциональная наука, в свою очередь, должна способствовать активизации разнообразных междисциплинарных исследований в общественных и гуманитарных науках.

ЛИТЕРАТУРА

Боулэнд Л.А. (2002). Современные взгляды на экономический позитивизм // Панорама экономической мысли XX столетия. / Под ред. Д. Гринуэя, М. Блини и И. Стюарта. - СПб: «Экономическая школа».

Гуриев С. (2008). Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*, №3.

Дементьев В.В. (2009). Что мы исследуем, когда мы исследуем институты // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 7, № 1.

Коуз Р. (1993). Фирма, рынок и право // Фирма, рынок и право. - М.: «Дело».

Менгер К. (1992). Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. - М.: Экономика.

Мизес Л. (2000). Человеческая деятельность. - М.: Экономика.

Норт Д. (1993). Институты и экономический рост: историческое введение // Тезис. Т.1. Вып.2. - М.

Розов Н.С. (2009). От дисциплинарного империализма к Обществознанию без границ! («Шенгенский проект интеграции социальных наук») // *Общественные науки и современность*, №3.

Тамбовцев В.Л. (2008). Перспективы «экономического империализма» // *Общественные науки и современность*, №5.

Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма. - СПб.

Хайек Ф.А. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. - М.: Новости.

Colander D., Holt R. P.F. and Rosser Jr J.B. (Winter 2007–8). Live and dead issues in the methodology of economics // *Journal of Post Keynesian Economics*, Vol. 30, No. 2.

Commons J. R. (1931) Institutional Economics // *American Economic Review*, Vol. 21, No. 4.

Commons J. (1990). Institutional economics its place in political economy. News Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers.

Hayek F.A. (1956). The dilemma of specialization // *The state of social sciences* / Ed. by L. White. - Chicago: University of Chicago Press.

Krugman P. (Nov., 1998). Two Cheers for Formalism // *Economic Journal*, Vol. 108, No. 451.

Vaughn K. (1994). Austrian Economics in America: The Migration of a Tradition. - N.-Y.: Cambridge University Press.

Zappia C. (2003). Radical subjectivism and Austrian economics // *Subjectivism and economic analysis: Essays in memory of Ludwig M. Lachmann* / Koppl R., Mongiovi G. (eds.). - London: Taylor & Francis e-Library.